

Sweet Sar

Бессмертная власть

Sweet Sar

Бессмертная власть

<https://litres.ru/74597463>

SelfPub; 2026

Аннотация

Современная устрашающая антиутопия! Жанр, который всегда привлекает и пугает одновременно!

Вот уже несколько веков в государстве однотипный режим, граждане, уже несколько поколений, не могут понять почему. Меняются технологии, традиции, суверенитет, но жизнь будто все такая же... Проходят выборы, идет смена власти, идеальная демократия... Так где же спряталась диктатура?

Это научная фантастика, которая может вызывать самые различные эмоции и состояния: от апатии до бурной радости, что ничто не вечно!

Содержание

Введение	4
Твой голос - твоё будущее. Страна выбирает себя сама.	5
Твоя страна - Твои решения! Свобода!	13
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Sweet Sar

Бессмертная власть

Введение

—У нас самая сильная страна! Являясь ее патриотом, я вношу свой вклад в благополучие ее будущего! Когда я вырасту, я хочу стать президентом! — сказал милый конопатый юноша, радостно улыбаясь своей матери.

—Боюсь, это невозможно. — в глазах женщины сверкнули искры, но тяжелый вздох тут же развеял все мечты.

Твой голос - твое будущее. Страна выбирает себя сама.

В двадцать втором веке человечество наконец научилось жить красиво.

По крайней мере, так утверждали рекламные экраны. Они висели повсюду — на фасадах небоскребов, над станциями скоростного транспорта, в витринах магазинов и даже на стенах жилых кварталов, где прежде были окна. Огромные изображения менялись каждые несколько секунд, подстраиваясь под настроение прохожих. Человек мог просто идти по улице, а город уже знал, что ему показать.

На одном экране молодая женщина улыбалась, сидя на краю бассейна где-то на орбитальном курорте:

«БУДУЩЕЕ ДОСТУПНО КАЖДОМУ.»

На другом вращался логотип новой государственной программы:

«ТЕХНОЛОГИИ ДЛЯ СВОБОДНОГО ЧЕЛОВЕКА.»

Чуть ниже, почти незаметно, шла предвыборная реклама.

Смена лица. Смена цвета. Смена лозунга. Содержание оставалось прежним.

Силиций смотрел на экран из окна вагона и думал, что вся страна уже давно научилась менять декорации быстрее, чем собственное устройство.

Ему было девятнадцать.

Он не знал, откуда у него появилась эта мысль. Возможно, из-за усталости. Возможно, из-за слишком большого количества телевизионных передач. А может быть, потому что в девятнадцать лет человек еще способен замечать то, что взрослые называют очевидным.

Поезд бесшумно скользил между башнями центрального сектора. Их стены были покрыты гладким белым композитом, настолько чистым, что они казались не зданиями, а вертикальными монолитами. На высоте нескольких сотен метров между ними проходили воздушные транспортные магистрали. Дроны перемещались по ним с математической точностью, не создавая ни шума, ни пробок.

Город был совершенным. Он просто не был человеческим.

Силиций отвернулся от окна.

На его запястье загорелся тонкий голубой индикатор:

— Вы опоздаете на семь минут, — сообщил личный ассистент.

— Знаю.

— Вам напомнить, куда вы направляетесь?

— Не нужно.

Система замолчала. В этом Силиций ей завидовал.

Его семья жила в хорошем районе, в просторной квартире на тридцать восьмом этаже. У них никогда не было недостатка в еде, электричестве или доступе к медицинским систе-

мам. Мать работала аналитиком в частной корпорации, отец консультировал несколько государственных учреждений.

У них был домашний синтетический помощник, который готовил еду, следил за температурой воздуха и иногда напоминал отцу, что тот слишком много работает.

В холодильнике всегда была еда.

В квартире всегда было тепло.

В мире вокруг всегда было электричество.

Силиций не мог сказать, что ему чего-то не хватало.

И именно это его пугало.

Он вышел из вагона и направился к выходу станции.

На площади перед ним возвышалась гигантская башня Министерства общественного развития. На ее поверхности медленно двигался флаг Республики — единственная деталь, нарушавшая стерильную геометрию здания.

Под ним висел новый предвыборный лозунг:

«ВАШ ГОЛОС — ВАША СТРАНА.»

Через три месяца граждане должны были выбрать нового президента.

Никто не знал, кто победит. И это считалось главным доказательством демократии.

За последние сто двадцать лет президенты сменялись регулярно. Иногда побеждали либералы. Иногда консерваторы. Иногда независимые кандидаты, обещавшие уничтожить старую политическую систему.

Результаты действительно невозможно было предсказать.

До самого момента подсчета голосов.

Но странным образом после выборов всё оставалось на своих местах.

Одни и те же корпорации.

Одни и те же министерства.

Одни и те же законы.

Одни и те же лица — иногда старые, иногда совершенно новые. Система не запрещала людям выбирать власть. Она просто давно научилась переживать любой выбор.

Силиций шел по площади, пока его взгляд не остановился на человеке у станции. Мужчина сидел прямо на холодном камне. Рядом стояла девочка лет семи. На ней была слишком тонкая куртка. На электронном экране напротив них в это время показывали рекламу нового поколения медицинских имплантов:

«ЖИВИТЕ ДОЛЬШЕ. ЖИВИТЕ ЛУЧШЕ.»

Силиций замедлил шаг. Он знал, что произойдет. Он всё равно подошел.

— Вам нужна помощь?

Мужчина поднял голову. На его лице не было ни благодарности, ни удивления. Только осторожность:

— Нам нужна работа.

Силиций замолчал. Он мог дать им деньги. Мог вызвать муниципальную службу. Или открыть приложение социальной поддержки и заполнить несколько форм. Система была создана именно для таких случаев. Она действительно по-

могала.

Иногда.

Но мужчина продолжал сидеть на камне. Силиций посмотрел на девочку. Потом на экран:

«БУДУЩЕЕ ДОСТУПНО КАЖДОМУ.»

Ему вдруг стало смешно. Не весело. Именно смешно. Он достал из кармана кредитный модуль и передал мужчине.

— Здесь немного.

Мужчина посмотрел на него.

— Зачем?

Силиций не нашел ответа.

Потому что ему повезло? Потому что государство не смогло помочь? Потому что ему было стыдно? Вместо этого он просто сказал:

— Не знаю.

И пошел дальше.

Он волонтерил уже почти два года. Раздавал еду, помогал в центрах временного проживания, сопровождал пожилых людей, которым цифровая инфраструктура казалась слишком сложной. Он видел тех, кого официальный язык называл социально уязвимыми категориями населения.

Само выражение ему не нравилось. Оно превращало людей в статистику. А статистика не могла смотреть тебе в глаза.

К вечеру Силиций вернулся домой. Отец сидел перед панорамным экраном. На нем шли дебаты кандидатов в пре-

зиденты.

— Этот точно победит, — сказал отец.

— Почему?

— Хорошая команда.

Силиций снял куртку.

— А ты знаешь, за кого я буду голосовать?

Отец усмехнулся.

— Ты еще слишком молод, чтобы разбираться в политике.

— Мне девятнадцать.

— Именно.

На экране кандидат говорил о свободе.

Другой — о равенстве.

Третий — о модернизации.

Четвертый обещал вернуть стране «истинные национальные ценности».

Зрители в студии аплодировали. Силиций смотрел на них и чувствовал странное давление в груди. Он не знал, кто станет следующим президентом.

Но впервые в жизни ему пришла в голову мысль, которая потом уже никогда его не покинет - «А что, если это вообще не имеет значения?».

Он подошел к окну. Внизу сиял город. Миллионы огней. Бесконечные дороги. Беспилотные автомобили. Роботы-курьеры. Голографические вывески. Небоскребы, уходящие в облака. На каждом втором здании — реклама. На каждом третьем — политическая реклама. На каждом четвертом —

государственная реклама, которая выглядела почти так же, как коммерческая.

Капитализм расцветал.

Он был уже не экономической системой, а средой обитания. Люди покупали не вещи. Они покупали версии самих себя. Лучшее тело. Лучшее образование. Лучшее настроение. Лучшее будущее. И всё это можно было оплатить.

Силиций смотрел на город и вдруг подумал: «Я хочу стать президентом». Мысль возникла совершенно неожиданно.

Не как мечта. Как решение. Он хотел попасть туда - наверх. В самое сердце государства. Хотел увидеть, как оно устроено. Хотел понять, почему страна, в которой власть действительно меняется, каждый раз остается абсолютно такой же.

Он не хотел быть богатым. Не хотел славы. Не хотел власти ради власти. Он хотел найти ответ.

Почему миллионы людей голосуют, а история словно никогда не двигается? Почему кандидаты меняются, а правила остаются?

Почему свобода есть в каждом рекламном ролике, но так редко встречается за его пределами?

На экране за спиной снова появился предвыборный лозунг:

«ВАШ ГОЛОС МЕНЯЕТ БУДУЩЕЕ.»

Силиций смотрел на эти слова несколько секунд. Потом тихо произнес:

— А если нет?

Город не ответил. Он продолжал сиять.

Как будто ему не было до этого никакого дела.

Твоя страна - Твои решения! Свобода!

В 2170 году люди впервые научились менять президентов так, чтобы ничего не менялось. Это считалось величайшим достижением цивилизации.

На протяжении ста двадцати лет Республика оставалась примером идеальной демократии. Так говорили учебники. Так говорили новости. Так говорили сами граждане. Каждые семь лет страна выбирала нового лидера.

Появлялось новое лицо. Новый голос. Новая улыбка. Новые обещания.

А потом всё возвращалось на свои места. Государственные структуры продолжали работать. Корпорации продолжали расти. Экономика продолжала развиваться. Города становились выше. Люди — зависимее.

И никто не мог сказать, в какой момент стабильность превратилась в привычку. А привычка — в необходимость.

Президентский комплекс находился в центральном секторе, но в отличие от большинства государственных зданий не пытался выглядеть холодным. Он был создан специально для того, чтобы люди чувствовали доверие.

Вместо серого металла — белый камень.

Вместо высоких стен — прозрачные панели.

Вместо вооруженной охраны — вежливые сотрудники безопасности, которые улыбались каждому посетителю.

Республика давно отказалась от демонстрации силы. Она поняла, что настоящая власть не нуждается в том, чтобы её видели. Она должна просто присутствовать. Как воздух. Как гравитация. Как свет в квартире, который включается каждый раз, когда человек входит в комнату.

Внутри здания пахло свежими растениями. Настоящими. Это было одной из редких роскошей, которые позволяли себе государственные учреждения.

Живые деревья в двадцать втором веке считались символом высокого статуса. Их содержание требовало больше ресурсов, чем большинство людей могло представить.

Президентский комплекс был одним из немногих мест,

где природа не была заменена искусственной копией. Возможно, именно поэтому он казался немного неправильным. Слишком настоящим.

Рошерх Дамбл стоял перед зеркалом. Ему было сорок лет. Для президента это считалось молодым возрастом. Для обычного гражданина — временем, когда человек уже должен понимать свое место в мире.

Рошерх свое место понимал. Слишком хорошо.

Он поправил воротник рубашки. Костюм идеально сидел на его фигуре. Материал был создан из адаптивного волокна, которое самостоятельно сохраняло форму, температуру и цвет. Его волосы выглядели естественно.

Кожа выглядела естественно.

Улыбка выглядела естественно.

В этом и заключалась главная проблема. В его жизни почти ничего больше не было настоящим.

— Через три минуты начало трансляции, господин прези-

дент, — сообщил голос помощника.

Рошерх посмотрел на себя в зеркало.

— Я знаю.

— Напомнить основные темы?

— Нет.

— Предполагаемые вопросы журналистов?

— Нет.

— Вероятность положительной реакции населения после обращения составляет восемьдесят два процента.

Он закрыл глаза. Всего на секунду.

— Спасибо.

Система замолчала. Она всегда замолкала, когда не могла найти правильный ответ.

Когда президент вышел к людям, страна увидела именно то, что хотела увидеть. Спокойного лидера. Уверенного человека. Символ стабильности. Миллиарды экранов одновременно показали его лицо. На улицах люди остановились. В транспорте пассажиры подняли головы. В домах выключили звук развлечений.

Президент говорил о будущем. О новых технологиях. О росте экономики. О развитии медицины.

О свободе.

Это слово использовалось особенно часто - «Свобода».

Оно появлялось почти в каждом государственном выступлении. Свобода выбора.

Свобода возможностей.

Свобода развития.

Рошерх улыбался, произнося его. Он всегда улыбался. И никто не замечал, что каждый раз перед этим словом он делал короткую паузу.

Настолько короткую, что система анализа эмоций считала её обычной задержкой речи.

Но сам Рошерх знал.

Он всегда замечал.

После выступления он вернулся в кабинет. Там уже находились советники. Несколько человек. Все молодые. Все идеально одетые.

Все с одинаково спокойными лицами.

— Реакция населения положительная, — сказал министр информационного контроля.

— Были протесты? — спросил Рошерх.

В комнате наступила короткая пауза.

— Были локальные собрания.

— Это не ответ.

Министр посмотрел на экран.

— Были протесты.

— Сколько человек?

— Официально?

Рошерх медленно поднял взгляд.

Министр понял ошибку.

— Двести семьдесят тысяч.

Никто ничего не сказал.

Через несколько секунд другой советник произнес:

— В рамках общей численности населения это незначительный показатель.

Рошерх посмотрел в окно.

Внизу сиял город. Такой же красивый, как всегда. Такой же идеальный. Такой же равнодушный.

— Они тоже граждане, — тихо сказал он.

Советник замолчал.

Возможно, потому что согласился. А возможно, потому что не знал, можно ли соглашаться с президентом.

— Вы приняли решение? — спросил главный советник.

Рошерх не обернулся.

— Да.

Он знал, о чем тот спрашивает.

Через три месяца начиналась предвыборная кампания. По закону он мог участвовать. Его рейтинг оставался высоким. Большинство аналитических систем прогнозировали победу.

Он мог остаться. Еще семь лет. Еще одна улыбка. Еще сотни выступлений. Еще тысячи подписанных документов.

— Я не буду выдвигаться, — сказал он.

В комнате стало тихо.

— Господин президент, это историческое решение.

— Да.

— Вы понимаете, как это воспримут?

Рошерх усмехнулся. Очень слабо.

— Как доказательство демократии.

Никто не ответил.

Потому что это действительно было так. Каждый президент уходил добровольно. Каждый передавал власть следующему. Каждый становился частью истории.

Именно это считалось главным доказательством того, что Республика никогда не была диктатурой.

Но существовала одна странность. После ухода ни один президент больше никогда не появлялся на публике.

Ни интервью. Ни книги. Ни выступления. Ни политических комментариев. Они просто исчезали.

Официально — они выбирали спокойную жизнь. Кто-то занимался благотворительностью. Другой переезжал в частные районы. А следующий полностью уходил из общественного пространства.

Это объяснение устраивало всех. Потому что оно было логичным. А логичные вещи редко подвергаются сомнению.

Вечером Силиций снова смотрел новости.

Он сидел в своей комнате, пока на экране показывали президента. Рошерх Дамбл объявлял, что не будет участвовать в следующих выборах.

Ведущие называли это: «величайшим проявлением политической зрелости».

Эксперты говорили: «Республика доказала свою устойчивость».

Граждане писали комментарии: кто-то благодарил президента, недовольный обвинял его во всех проблемах страны, амбициозный требовал перемен, стабильный хотел, чтобы всё осталось как есть.

Силиций смотрел на лицо Рошерха. Он видел то, чего не замечали остальные. Президент улыбался, но выглядел не счастливым. Не уставшим.

Не злым.

Испуганным.

Всего на мгновение. Когда камера приблизилась. Когда

свет изменился. Когда миллионы людей смотрели на него. Силиций почувствовал странное ощущение. Будто человек на экране хотел сказать что-то важное.

Но не мог.

— Странно, — тихо произнес он.

Мать, проходившая мимо, остановилась.

— Что?

Силиций не отводил взгляда от экрана.

— Ничего.

Президент продолжал улыбаться.

Внизу появилась надпись:

«РОШЕРХ ДАМБЛ. ПРЕЗИДЕНТ, КОТОРЫЙ ДОБРО-
ВОЛЬНО ПЕРЕДАСТ ВЛАСТЬ.»

Силиций смотрел на эти слова.

И впервые подумал:

Может быть, самый страшный человек в стране — не тот, кто хочет власти.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.